А.Л. Цеханович, Москва

ИСТОРИЯ ПИРАТСТВА НА ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЗЕМЛЯХ ОТ ВОЗНИКНОВЕНИЯ КИЕВСКОЙ РУСИ ДО СОЗДАНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (С IX ПО XVIII ВВ.). ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭТЮД

«Вначале было море» – написал однажды древнегреческий философ Фалес из Милета (ок. 625 – ок. 547 гг. до н. э.), и оно связывало народы и даже понуждало их на то, чтобы завладеть им и его берегами. Моряки, снарядив свои суда, отправлялись в неведомые земли торговать, а могли при случае (если повезет) и захватить или их, или чужие корабли... Могло быть и наоборот: плыли завоевывать, а приходилось торговать... Ещё в древнегреческих законах поставлен знак равенства между тремя опасными профессиями: моряками, пиратами и купцами. Любой из них мог выступить в каждой из этих профессий, но, конечно, с разной степенью успеха, ведь всё зависело от обстоятельств и удачи.

Первые исторические сведения о пиратах крайне отрывочны и скудны, более того, они зачастую легендарны и мифологичны. Например, поход аргонавтов за золотым руном в Колхиду, или путешествия египтян за золотом в страну Пунт, и т.д. и т.п. Если просуммировать то главное в этих легендах, что относится к пиратам, то можно сделать следующие выводы: пираты, прежде всего, – это великолепные воины, у них надежные и быстроходные суда, они умеют торговать, они жестоки и коварны, им никогда нельзя верить, а лучше всего – их сразу же убить, так как вслед за уплывшими пиратами появятся следующие. Слово «пират» – греческое, и оно вошло в обиход в IV-III вв. до н. э. и переводится и истолковывается поразному: «нападать на кого-нибудь, или на что-нибудь, пытаться захватить или штурмовать что-либо и, прежде всего, корабли», – т.е. отражает понятия: грабёж, убийство и добыча. Римляне, с их любовью к чёткому разграничению понятий, слово «pirata» сделали символом именно морского разбоя, а остальных разбойников и грабителей вообще они называли «latrunculus», также как и наемных солдат и игральные кости. В римских законах говорится, что «враги – это те, которым или объявляет официальную войну римский народ, или они сами римскому народу; прочие называются разбойниками (latrunculi) или грабителями (praedones) или пиратами (pirates), и против них применяются карательные меры и экспедиции... без всякой пощады к ним».

Пираты не имели отечества, их объединяло только одно: общее дело. Их роднила только общая кровь, – но не их, а пролитая ими, как своя, так и чужая. Язык и имена – вот и всё, что связывало их с родиной, зачастую утерянной. Но, конечно, в определенном районе их «деятельности» главенствовали пираты какой либо одной национальности, и их дурная слава переносилась на всю нацию. Так, в античном мире, все твердо знали, что все киликийцы – разбойники, а все финикийцы – лгуны и клятвопреступники. В дальнейшем, это относилось к балеарцам, сарацинам, алжирским пиратам, генуэзцам и венецианцам, хотя экипажи судов под их водительством чаще всего были интернациональными.

Пиратская история крайне фрагментарна и в основном она базируется на довольно сомнительных источниках. Как правило, это: или воспоминания очевидцев, старые хроники, летописи, исторические записки, а в наше время – исторические романы, письма и рассказы пострадавших от пиратов. Совершенно ясно, что все эти источники тенденциозны, но факты, приводимые в них, в основном, правдоподобны. Особенно важны работы современников.

В нашей работе мы будем максимально использовать исторические документы современников, тем более, что наше изложение случаев признанного пиратства на морях и реках Восточной Европы, – вокруг земель населенных славянскими племенами, представляет первую попытку собрать воедино и изложить хронологически историю пиратства в этом обширнейшем районе. Естественно, что речь будет идти о событиях, далеких от нас по времени, и происходивших на территориях, некоторые из которых не являются сейчас российскими. Авторы не видят в этом ничего пугающего, а уж тем более не стремятся разжигать злобную химеру национальной исключительности. История иногда распоряжается по-своему, и, видимо, будет правильно следовать за её реалиями.

Итак, в начале IX века, на востоке Европы расселились племена славян: словен, кривичей, вятичей, дреговичей, древлян, полян, а также угрофинские племена мери, веси, мордвы, муромы, чуди на огромном пространстве от Новгорода до Киева, и от Балтики до верховьев Волги. Далее на Восток жили булгары, а в низовьях Волги и Дона – хазары и печенеги, а позже – половцы, степняки-кочевники. Печенеги кочевали также в низовьях Днепра и Днестра, а в Крыму, особенно в южном, обосновались византийцы, используя в основном бывшие греческие города на Черном море. Крупные судоходные реки: Волга, Двина, Днепр, Днестр, Дон текли через эти земли, связывая Балтийское, Черное и Каспийское моря, являясь превосходными водными путями, как для купцов, так и для пиратов. На севере такими же путями являлись реки Кама и Печора. Вот эти земли и водные пути и стали главными районами деятельности пиратов средневековья в этом ареале. Далее, мы хронологически последовательно рассмотрим их историю.

Варяги, росы, славяне и Византия

В IX веке жителям южного побережья Балтийского моря пришлось впервые столкнуться с новой грозной силой, пришедшей с Севера. Разные народы называли их по разному: люди моря, ясеневые люди, язычники, нордлейды, истерлинги. Славяне называли их варягами. Происхождение слова «варяг» неизвестно, но, скорее всего оно связано со скандинавским словом varang – меч. Сами они звали себя «норманны» или «викинги», и эти слова были полны ужаса для жителей тех земель, где они появлялись, а появлялись они практически везде по берегам Европы. Сначала они появились в VI веке в Аквитании, где настолько успешно торговали лесом, кожами, льном и мехами, что местные хронисты даже писали, что «они умеют сложить лён с рабами, а затем разделить прибыль». Видимо, это была разведка, т.к. с VIII века их узнали уже, как безжалостных пиратов и грабителей.

В 732 году они впервые высадились в Британии, в 753 году предали огню и мечу Ирландию, в 796 году появились в Испании, в 842 году начали кровавые ежегодные набеги на Францию, в 876 году разграбили и сожгли Лиссабон и Севилью, а также ворвались в Средиземное море. К этому времени распалась огромная империя Карла Великого (814 г.) и викинги «разошлись» в Западной Европе по-настоящему. Они жгли, грабили, убивали, захватывали рабов, без помех заплывая на своих драккарах (многовесельных парусных быстроходных судах с небольшим килем) в самые дальние уголки Германии, Франции, Англии и других европейских стран. И, конечно, скоро викинги обратили свой взор на Восток.

Примерно в 859 году на Ильмень озере возник город Новгород (Хольмгард), в котором скоро стал княжить норманн Рюрик (862 г.). Отдельные викинги-пираты из его дружины после начавшихся раздоров начали покидать его. Пример подал знатный норманн Рогволд: он захватил Полоцк и сел там на княжение. Другие пираты, варяжские знатные ярлы – Аскольд и Дир, которые также ушли от Рюрика (а по другим сведениям – самостоятельно от него), спустились вниз по Днепру, завоевали славянское племя полян и захватили Киев. Уже в 860 году Аскольд и Дир во главе своей дружины совершили **первый** пиратский набег на Византию.

Византийские хроники **впервые назвали напавших на них варваров *росами,* относя это название, как к варягам, так и к славянам, входившим в варяжские отряды, даже обобщив их понятием «народ».** В IX веке в «Житии Георгия Амастридского» есть сообщение о нашествии на малоазиатский город Амастриду (на южном берегу Черного моря) **«варваров росов – народа, как все знают, дикого и жестокого».**

В 866 году росы повторили пиратский налет уже на Константинополь, появившись у Босфора на 200 ладьях. Но им не повезло, их флот (к характеристике которого мы ещё вернёмся) был разбит бурей и рассеян, а остатки пиратов вернулись в Киев. Византийский патриарх Фотий (858-867

и вторично 877-886 гг.) в своем Окружном послании «восточным патриархам» в 867 году, говоря об этом нападении, обвинил в этом **«народ..., ставший у многих предметом частых толков, превосходящий всех жестокостью и склонностью к убийствам, – так называемый народ рос».** Заметим в скобках, что ещё нет ни Киевской Руси, ни даже Киева как столицы, поэтому эти походы росов на Византию – типичные пиратские набеги по норманнскому образцу в Западной Европе, а во главе пиратских шаек стоят викинги – варяги, которые не брезгуют и захватами городов и сбором постоянной ежегодной дани со славянского населения, т.н. «полюдья».

Далее события на Руси развивались по знакомому в Средние века сценарию. Сменивший умершего в 879 году Рюрика на Новгородском княжеском столе его шурин, старший в роде, норманнский ярл Олег (879-912), сам имел свои виды и на Киев и на Константинополь. В 882 году, захватив по дороге из Новгорода Смоленск и обеспечив контроль за верховьями Днепра, Олег приплыл в Киев, заманил Аскольда и Дира на свой корабль, где его норманны-телохранители зарезали их обоих. Олег сделал Киев столицей Киевской Руси, став первым киевским великим князем. В составе его дружины, а точнее, в войске летописи уже фиксируют наличие варягов (норманнов), ильменских словен, чуди, мери, веси и кривичей, называя их всех «росами». В начале X века русский флот, по договору Олега с Хазарским каганатом, оперировал на Каспии против мусульман и христиан, врагов иудеев-хазар. Славяно-варяги, или славяно-русы платили хазарам «дань кровью».

Набравший силу киевский князь (а скорее – варяжский конунг) Олег в 907 году напал на Византию с моря на 2-х тыс. ладей со 100-тысячным войском. Греки перегородили залив Золотой Рог (гавань Константинополя) цепью; тогда воины Олега сошли на берег и стали опустошать окрестности Константинополя, разрушали храмы и виллы ромеев, рубили, жгли и топили мирных жителей, которые «бежали от росов в великом ужасе». Базилевс Лев VI Философ (886-912гг.) не рискнул на сражение с могучим варягом и предпочел откупиться от язычников. Он заплатил Олегу отступную дань (по 12 гривен серебра на ключ). Здесь мнения историков расходятся: одни считают «ключ» уключиной весла, а другие – рулём пиратского корабля. В любом случае Олег увёз из Византии огромную по тем временам сумму, а базилевс Лев сохранил город от мечей его воинов.

Олег, как киевский князь подписал мирный договор с византийским императором Константином Багрянородным (913-959) о торговле и о льготах русским купцам. От росов (а в других источниках уже «руссов») договор также подписали военноначальники росов, все норманны, как и Олег: Карл, Фарлоф, Вельмуд, Рулав и Стемид. Вот здесь, как мы уже говорили выше, «пират стал купцом». Из договора видно, что из Руси киевские купцы везли грекам в Константинополь: рабов, лес, мёд, воск, меха, – а из Константинополя в Киев и дальше, в Новгород, шли дорогие ткани, вино,

фрукты, ювелирные изделия. Завидная добыча для пиратов – в обоих направлениях, и поэтому в договоре (от 907 г.) чётко прописана защита купеческих судов и караванов от грабежа и нападений, места их охраняемых стоянок, и даже запрет росам постоянно находиться (например, зимовать) в отдельных, опасных для византийцев местах, прежде всего, – в устье Днепра и на острове Березань.

Другая крупнейшая водная торговая артерия шла от верховьев Волги на всём её протяжении до Каспийского моря, и по нему – в Иран, к арабам в Багдад, и дальше в Индию, с волоком на Дон в районе бывш. Царицына и выходом в Азовское море. Этот водный путь также был опасен из-за нападений хазар, а позже печенегов и половцев. Но прибыль купцов была настолько большой, что этот путь, как и первый, исправно действовал до тех пор, пока в XIII веке татаро-монголы не отрезали Русь от всех южных морей. В 914 году новый киевский князь – Игорь, сын Рюрика, сменивший умершего Олега в 912 году, предпринял пиратский набег этим путем на берега Каспия, но его награбленной обильной добычей воспользовались хозяева этих мест – хазары, перебившие его дружину на обратном пути. В Киев Игорь вернулся с жалкими остатками воинов.

Отношения Игоря с Византией вначале были вполне нормальными. Более того, в 935 году корабли и воины киевского князя вместе с греческим флотом ходили на Крит и в Италию, где принимали участие в битвах греков и франков, подданных графа Арльского и итальянского короля Гуго (926-945), потомка Карла Великого, а также в грабежах остатков лангобардов, италиков и жителей Далмации и Хорватии. Приобретя определенный пиратский опыт, и воспользовавшись тем, что мирные отношения с Византией нарушились, в 941 году Игорь с огромным флотом (по летописным сведениям на 10 тыс. судов однодревок или моноксилов) пошел с пиратским набегом на Константинополь.

В Византии в это время была очень сложная политическая обстановка. Базилевсом Византии считался Константин VII Багрянородный, но на самом деле власть была в руках узурпатора, тоже базилевса, Романа I Лакапина (920-944), который полностью отстранил Константина от высших имперских дел (но при этом не убил его и даже не искалечил, как было принято тогда в Византии). Так как ромейский флот воевал тогда на Востоке с арабами, и там же были основные сухопутные силы империи, то Лакапин приказал срочно отремонтировать и переоборудовать старые суда, находившиеся в гавани Константинополя, и оснастить их устройством для метания «греческого огня ». Греческий огонь или «жидкий огонь» в то время являлся секретным оружием византийцев, а его состав не установлен точно и до настоящего времени. Но секрет жидкого огня состоял не только в составе, главным компонентом которого была жидкая нефть, а и в технологии: смесь содержалась в герметически закрытом котле, куда с помощью мехов нагнетался воздух, который затем подогревался вместе со смесью, и в нужный, известный только византийцам-«мастерам» мо-

мент открывался кран и через сифон, зажигаемая горючая смесь с силой вырывалась на суда или осадные машины врага. Горючая смесь не только всё испепеляла, но и горела на поверхности воды, не позволяя спастись вплавь, – затушить её можно было только уксусом. Изобретен «греческий огонь» был неким Каллиником из Илиуполя и впервые применен ромеями в 674 году против арабского флота. Византийцы строго хранили тайну огня и так никому её и не передали, а все случаи его захвата ничего не дали из-за незнания технологии применения. Опытный военачальник византийцев, протовестиарий Феофан, начальник обороны Константинополя, сжег 8 июля 941 года большую часть эскадры Игоря в морском бою. Уцелевшие росы высадились на азиатской части Босфора и занялись разбоем и грабежом. Вот что пишет об этом анонимный византийский хронист, которого историки именуют продолжателем историка Феофана: «**Много злодеяний совершили] язычники] росы до подхода ромейского войска: предали огню побережье Босфора, а пленных одних распинали на крестах, других вколачивали в землю, третьих ставили мишенями и расстреливали из луков. Пленным же из священнического сословия они связали за спиной руки и вгоняли им в головы железные гвозди».** Полтора месяца росы зверствовали подобным образом, не жалея ни детей, ни женщин, ни стариков. В сентябре подошедшие к Константинополю ромейские войска под командованием доместика Куркуаса вместе с протовестиарием Феофаном еще раз разгромили росов на море. Слово летописцу Нестору: «**И брани меж ними были злы, но одолели греки, руссы же возвратились к дружине своей к вечеру и на ночь влезли в лодьи и отступили. Феофан же преследовал их в лодьях с огнём и начал пускать огонь из труб на русские лодьи. Русские же видя пламень, бросались в морскую воду, желая спастись, и так возвратились восвояси. Те, кто пришел в землю свою, поведал каждый своим и о том, что произошло, и о лодейном огне: «Словно молнию небесную, – говорили они, – имеют у себя греки и, пуская её, жгут нас, и поэтому мы не одолели их».** Так неудачно закончился самый большой пиратский поход росов на Византию. Неудачливый предводитель росов, киевский князь Игорь, убрался в Киев с малыми остатками своего войска, потеряв почти весь флот.

Но позора поражения он не забыл, и вновь в 944 году выступил в новый поход на Византию, наняв ещё варягов и печенежскую конницу, которая шла сушей рядом с плывущими кораблями. Роман Лакапин отправил своих послов в устье Дуная, и их устами предложил Игорю отступную сумму, такую же, как и Олегу, если Игорь согласится на мир и остановит свои войска. Согласие Игоря было получено, и получив золото и серебро, он вернулся на Русь. В 945 году между Киевом и Константинополем был заключен мир, и в том же году, во время полюдья древляне отказали князю Игорю в требовании от них двойной дани, перебили его дружину, а его

самого разорвали на части, привязав к наклоненным к земле березам. Достойный конец пирата.

Что же касается нечеловеческой жестокости росов в Византии, то большинство историков или умалчивают о ней, или сопровождают примерно такими комментариями: «Вполне вероятно, что принятие Русью христианства сыграло значительную роль в исчезновении впоследствии подобных кровавых традиций», не замечая при этом, что признают жестокость росов – доказанной традицией..., свойственной и норманнам и славянам.

Однако, вернемся к базилевсу Константину Багрянородному (Порфирогенету – по-гречески). В 944 году он отправил Лакапина в ссылку, и сам стал управлять империей. И ему мы обязаны, как современнику событий, написанной им книге «Об управлении империей», что произошло примерно в 948-952 гг. Труд Константина уцелел и является одним из главных источников по начальному периоду российской истории. Описывая соседей Византии, в главе 9, которая носит название: «О росах, отправляющихся с моноксилами из Росии в Константинополь», он дает ответ на три важнейших вопроса: откуда и какой флот использовали росы, кто они такие, и об организации ими пиратских набегов. Не утомляя читателя длинными цитатами из его книги, попробуем кратко изложить его основные положения, предупредив его, что по книге Константина существует огромная историческая литература, но главные постулаты его труда признаются правильными.

Константин Багрянородный называет росские суда моноксилами. Зимой росы валили крупные деревья, преимущественно дубы, ясень и сосну, выжигая или выдалбливая стволы, выкраивая из единого древесного ствола суда с 10-15 метровым килем, поэтому лодки имели малую осадку, чтобы легче было преодолевать пороги и волоки, снабжали их веслам и мачтами. Весной их переправляли из Новгорода, Смоленска, Любеча и Чернигова в Киев, где их доводили до необходимой кондиции росы-корабелы. Такие моноксилы вмещали (по сведениям летописей и хроник) сорок человек, припасы, оружие, такелаж и товары. В мае-июне их перегоняли по Днепру, через пороги в его устье, где окончательно подготавливали к плаванию по морю. Дальше россы плыли вдоль берега, на ночь вытаскивая суда на берег, из опасения нападения кочевников-печенегов. И так вдоль Болгарских и Фракийских берегов до Византии. Вдоль всего пути росы оставляли укрепленные стоянки и базы для своего флота, в которых находились в течение всего лета (до осенних бурь) сильные военные отряды. Так росы организовывали сопровождение своих, как купеческих караванов, так и пиратских судов или флотилий. Зимой судоходства не было.

Теперь об этнической принадлежности росов. Вопрос этот осложняется отсутствием русских письменных источников VIII – X вв. и крайней скудостью других источников. Поэтому налицо огромное количество реконст-

рукций с привлечением поздних сведений и частично – материалов археологических исследований. Наиболее аргументированной представляется – с языковой, археологической и исторических точек зрения – версия **скандинавская.**

В то время, с фонетической точки зрения, название военных отрядов скандинавов звучит как древнешведское Roots – финское Rootsi – древнерусское Русь, т.е. скандинавско-славянское. Далее, Константин Багрянородный противопоставляет «росам» – славян, и под росами понимает социальную привилегированную верхушку общества: скандинавско-славянскую великокняжескую дружину. И, наконец, к середине IX века, в процессе консолидации разноэтнических территорий под эгидой великокняжеской власти возникает (впервые у Багрянородного) расширительное географическое понятие «Русь», или, что более точно, в главе 9 указанного труда «Об управлении империей» – **«Росия».** Нам остается только добавить, что упомянутые выше нами пираты имели ту же этническую принадлежность.

Князья пираты, изгои и ушкуйники

На Руси менялись князья – Святослав, Владимир, Ярослав Мудрый. В 988 году Русь приняла христианство и вошла в ряд христианских государств Европы, сохраняя по-прежнему тесные связи со скандинавскими странами. Оттуда всё также бежали изгнанники: викинги, знатные ярлы, насильники, грабители и убийцы, вся накипь племени фиордов, которые шли в наёмные дружины и к киевским князьям, и к византийским императорам, – всем им находилась привычная работа. В 1029 году на Русь бежал после поражения от датчан норвежский король Олаф Харальдсон. Ярослав Мудрый гостеприимно принял его, будучи уже десять лет женатым на шведской принцессе Ингигерд. Олаф предложил князю свой меч и участвовал в его походах целый год, но потом попытался вернуть себе норвежский престол и погиб в битве при Стиклесте в 1030 г. Его пятнадцатилетний брат Харальд, был в этой битве жестоко изранен, долго скрывался в лесах, затем пробрался в Швецию, в 1031 г. снарядил там корабли и с верными ему викингами приплыл в Киев, где стал вождем княжеской дружины Ярослава. Но у Ярослава он пробыл недолго. Видимо, киевский князь с подозрением следил за сильным норвежским конунгом, а, скорее всего, боялся, как бы Харальд не захотел захватить киевский престол. Поэтому Ярослав спровадил опасного гостя вместе с его пиратским флотом в Византию, договорившись с правившей императрицей Зоей (1034-1042) и императором Михаилом IV Пафлогонцем (1034-1041) о его службе Византии. Харальд был принят на службу, и в составе объединенной эскадры греков и росов вышел в Эгейское море, с задачей – очистить его от пиратов. Но уже скоро между командующим ромейским флотом Георгием Маниаком и Харальдом начались несогласия, и они разделились и стали

действовать самостоятельно. Харальд напал на сарацин в Северной Африке, захватил и разграбил несколько десятков городов, а добычу отправил с верными людьми к Ярославу в Киев, опасаясь византийцев, тоже имевших на нее виды.

Затем Харальд направился на Сицилию, где захватил четыре города, считавшихся недоступными. Первый он взял довольно легко, второй – подкопом под крепостную стену, причем росы выскочили из подкопа как раз в пиршественную залу отцов города и немедленно их перебили, а затем открыли ворота для остальных головорезов, и всё было кончено. Третий город был взят обманом: викинги притворились мирными людьми и устроили на глазах горожан игры, спрятав оружие под плащами, и, постепенно подходя к раскрытым воротам, наконец, бросились на горожан. Харальду рассекли лицо и сильно изранили, но город был взят и разграблен. Четвёртый город пал жертвой хитрого замысла Харальда, который разыграл целое представление. Он улегся в гроб, а его росы попросили похоронить его в городе, пообещав монахам за это солидные деньги. Те согласились и росы понесли гроб в город, и в воротах поставили его поперек, затем затрубили в трубы, обнажили мечи, Харальд «воскрес» и выскочил из гроба, а из лагеря росы в полном вооружении бросились к нему и с ним вместе ворвались в город. Вот как описывает скандинавский летописец дальнейший ход событий: «**Монахи же, которые выступали в этом шествии, состязаясь между собой, кто получит первым приношения, теперь состязались в том, чтобы подальше убежать от викингов, потому что те убивали всякого, кто им попадался, будь то клирик или мирянин. Так, они прошли по всему городу, убивая народ, разграбили все городские церкви и взяли огромную добычу».**

Через несколько лет пиратских набегов, с большой добычей, росы вернулись в Византию, и скоро вновь ушли в очередной пиратский поход – в Палестину. Все города сдавались им без боя, а Харальд занял Иерусалим, искупался в Иордане, «**установил по дороге мир и убивал не щадя разбойников и склонный к грабежам люд».** Кого имел в виду летописец, – неясно, а сам пират-язычник, видимо, не очень в этом разбирался, да ему это и не было нужно. Наконец, пираты вернулись в Константинополь. Здесь их ждало известие о том, что в Норвегии власть захватил племянник Харальда Магнус I Добрый и их зовут на родину. Харальд отправился к Зое проситься в Норвегию, но та не только не отпустила его, но посадила в темницу, открытую сверху высокую башню, обвинив в присвоении части добычи Георгия Маниака. Харальд быстро сумел бежать из башни, и даже прорвался на своём корабле через мощную цепь, перекрывавшую Золотой Рог и уплыл на нём на Русь. Здесь они встретились с Ярославом, и тот вернул Харальду его добычу, высланную им из Африки и Сицилии и выдал за него свою дочь Елизавету (1041г.). Перезимовав в Новгороде, Харальд отбыл в Норвегию, где став норвежским королём Харальдом III Сигурдарссоном по прозвищу Суровый Правитель (1046 –

1066), основал город Осло, и с 1048 года постоянно совершал набеги на Данию, пока не заключил выгодный мир.

В 1066 году он попытался захватить Англию, но погиб в бою, убитый стрелой в горло в битве у Стэмфорд-Бриджа, за девятнадцать дней до захвата Англии нормандским герцогом Вильгельмом Завоевателем.

Прежде чем приступить к рассказу о дальнейших «подвигах «пиратов, мы должны осветить главный вопрос: как в то время делилась прибыль от пиратских набегов? Из саг, хроник, исторических записок и летописей мы знаем, что вся добыча складывалась и тщательно оценивалась в каких-либо единицах, известных и понятных всем. Чаще всего это были те денежные единицы, которые были наиболее знакомы пиратам. Напомним читателям, что своей разменной монеты до княжения Святого Владимира на Руси не было.

С VIII века, на территории Восточной Европы массовое распространение получили арабские серебряные ***дирхемы***, а также византийские ***драхмы и солиды***, а на Руси, позже, ***киевские и новгородские гривны***. Вес куфического дирхема, чеканка которого началась в иракском городе Ал-Куфа в 697 году, при халифе Абд-ал-Малике(685-705),составлял примерно – 3 грамма, и эти монеты, серебряные и плоские, с датой и изречениями из Корана, встречались и признавались основным платежным средством на всей территории Европы. Византийская серебряная драхма весила 3,3 грамма, а золотой солид около 12 грамм. Для крупных торговых операций в обращении в Византии применялась ***серебряная литра***, вес которой составлял 333 грамма. Серебряные русские гривны (киевская весила 160, а новгородская – 200 грамм), появились только в XI веке, и не имели широкого применения в обращении, т.к. имели слишком большую ценность. Позже появились итальянские и чешские гроши, германские денарии и квартники, а затем талеры.

Итак, оценив всю добычу в дирхемах или драхмах, пираты-росы распределяли её следующим образом: Сначала все пираты получали по одной доле от общей добычи, затем кормчие драккаров (или моноксилов) получали ещё по две доли каждый, и, затем, конунг получал свою долю, – по две на каждую скамью гребцов (рум) с каждого судна. Гребцом и считался (и был) каждый воин, викинг или росс. Ссор при дележе добычи никогда не бывало, так как они немедленно карались смертью; вопросы иногда возникали по цене захваченных рабов, но её определяли по их стоимости на ближайшем невольничьем рынке. При гибели воинов в бою, они лишались добычи, а доля уцелевших в бою возрастала. Все расходы по обслуживанию кораблей, питанию воинов и закупке товаров – нес конунг, а за своё личное оружие отвечали (и покупали его) только сами воины.

В это время (XI – XII вв.) Киевская Русь переживала период феодальной раздробленности, крупные княжества дробились на мелкие удельные, которые князья – владельцы крупных земель выделяли своим сыновьям в наследство, и, как следствие, начались братоубийственные войны. Каж-

дый князь, прежде всего, хотел сохранить свой удел, а при случае, пользуясь слабостью соседа, – и захватить чужой. В многодетных княжеских семьях земли часто не хватало, и тогда князья без уделов становились «изгоями», которым ничего не оставалась, как идти в разбойники, в пираты, или уходить в наемные дружины. Первым таким князем-изгоем стал князь Черниговский Олег Святославич, «Гориславич» русских летописей, первым призвавший половцев на Русь. В 1078 году он захватил силой Тмутараканское княжество, перекрыл Керченский пролив и обложил все суда, плывущие из Азовского моря в Черное и обратно, – произвольно установленной им пошлиной, что сильно ударило по византийской торговле в низовьях Дона. В 1079 году он попал в плен к хазарам, которые отправили его в Константинополь, откуда его сослали на остров Родос. На его место, в Тмутаракань «прибежал» князь волынский Давыд Игоревич (1061-1112) вместе тоже с изгоем Володарём Ростиславичем, который немедленно возобновил сбор пошлин с греческих кораблей и по сути своей попытался создать пиратское государство на Черном море. Однако, убежавший из византийского плена Олег, изгнал Давыда в 1083 году из Тмутаракани. Тот спустился в низовья Днепра, захватил город Олешье, и год блокировал устья Днепра и Дона, требуя значительную дань с купцов, пока его не поймали дружинники великого князя киевского Всеволода Ярославича. В конце концов, ему выделили владения на Волыни, убрав его от моря. Умер он в 1112 г., Олег пережил его на 2 года. Киевская Русь начала в это время приходить в упадок. Внутри её терзали княжеские междоусобицы, а из Дикого Поля волна за волной налетали кочевники-половцы, на Чернигов, Путивль, Курск, Новгород Северский, Галич, – жгли деревни и сёла и уводили жителей в полон, в степь, – без возврата, на продажу в Азию, в Египет и дальше. Это, естественно, привело к тому, что население стало уходить в леса, на Север, во Владимир, Суздаль, Муром, Вятку, а позже – в Тверь и в Москву. Там набирали силу северо-восточные земли, и главнейшее из них: Владимиро-Суздальское, князь которого Юрий I Долгорукий (1096-1157 гг.) вмешался в 1149 г. в борьбу за киевский великокняжеский стол и несколько раз занимал его, непрерывно воюя с черниговским князем Изяславом Давыдовичем (+ 1161г.). На стороне Изяслава активно сражался ещё один князь-изгой, разбойник и пират – Иван Ростиславович Берладник. Расскажем о нём более подробно.

Смелый авантюрист и мятежник, единственный сын теребовльско-червенского князя Ростислава Васильковича, Иван Ростиславич в 1134 году владел землями между реками Серет и Прут, на юге Руси. В его крошечном уделе были города Малый Галич, Текуч и некоторые другие, что, конечно, не устраивало амбициозного князя, крайне невоздержанного на слова и поступки. Он рвался завладеть новыми и более доходными землями, не брезгуя ничем. Ближе всего был богатый город Галич, где княжил Владимирко Володаревич, который каждые полгода охотился в своих угодьях, далеко от Галича. В 1144 году галицкие бояре и горожане пригла-

сили Ивана Ростиславича княжить в Галиче, на что он немедленно согласился и прибыл в Галич, где в короткий срок приобрёл любовь галичан. Владимирко понял, что рискует потерять Галицкое княжество, собрал большое войско и осадил Галич. Жители Галича во главе с князем Иваном самоотверженно защищались от осаждающих, и под его начальством совершали вылазки, наносившие Владимирку большой урон. Но скоро, в одной из таких вылазок, Иван Ростиславич был отрезан с частью своей дружины от города, и, с трудом пробившись сквозь войска Владимирка, он бежал в Венгрию, а оттуда в город Берлад, (в современной Румынии), где и получил своё прозвище.

Уже в 1145 году Иван Берладник нанял себе новую дружину и «оттуда полем прибежал» к Всеволоду Ольговичу, великому князю Киевскому, смертельному врагу Владимирка. Затем этот русский кондотьер участвует в походах его брата, новгород-северского князя Святослава Ольговича против могучего Ярослава Осмомысла, князя Галицкого, сына умершего Владимирка, который, кстати, приходился Берладнику двоюродным братом. Ярослав Осмомысл возненавидел Берладника навсегда, и, когда последний попал за тёмные дела (летописи молчат) в Суздальскую тюрьму к князю Юрию Долгорукому, то упросил Юрия, как своего тестя, выдать ему Берладника, «мужа зла, кровопивца бунташного». Юрий отправил скованного Берладника в Киев, но в 1157 году велел его везти обратно в Суздаль. В пути на караван напали люди черниговского князя Изяслава Давыдовича и увезли Берладника в Чернигов, т.к. Изяслав хотел использовать его в своей борьбе против Ярослава Осмомысла, снова став в 1157 году (вторично) киевским великим князем. Несмотря на многочисленные просьбы русских князей и даже венгерского и польского королей о выдаче им Берладника, – Изяслав этого не сделал, и, на всякий случай, тайно отправил его в степь, к половцам в 1158 году.

В 1159 году, Иван Берладник при содействии половцев осел в Подунавье и занялся пиратством. Он захватил торговые суда галицких купцов и стал «пакостиша рыболовам галичьским», отбирая их уловы и собирая деньги за право морского промысла. Затем неуёмный князь-пират с помощью Изяслава вновь попытался захватить Галич, но потерпел от Ярослава сокрушительное поражение, а в1161 году, в битве погиб и его покровитель киевский князь Изяслав. Иван Ростиславич Берладник потерял всё и бежал в 1162 году в Византию, где умер в городе Фессалоники в том же году (по другим сведениям был отравлен). В середине XII века ключ-город Тмутаракань окончательно перешел в руки половцев, русская торговля с Византией пошатнулась, и, естественно, пиратство на Черном и Азовском морях пошло на убыль: просто некого стало грабить, ведь уже даже Берладник грабил простых рыболовов. Наступала пора освоения северных водных путей и перевелись князья-пираты. Своё слово сказала новгородская республика, освоившая с X века новые направления и в торговле, и в грабеже, северных народов.

Новгородцы, люди предприимчивые и смелые, быстро освоили пути по Волхову до озера Нево, потом по Свири до Онеги и через реку Емцу с волоком до Северной Двины, – в Белое море. В XII веке они плавали в Онежскую губу и на Соловецкие острова, освоили берега Кольского полуострова и побережье Баренцова моря, а на берегах Печоры, Кулоя, Мезени и Северной Двины основали свои торговые фактории. Двинский посадник Улеб достиг Карских ворот, а к началу XIII века новгородцы дошли до северного Урала, практически подчинив себе территорию Югры, между Печорой и Северным Уралом, населенную угорскими племенами хантов и отчасти манси. Зимой купцы шли на лыжах и на собачьих упряжках, везя в них свои товары: соль, одежду, металлические топоры, ножи, копья, скребки, иглы, серебряные изделия, взамен получая меха и моржовую кость. Летом они плыли на **ушкуях, тяжелых военных ладьях с веслами и парусом, вмещавшим до 30 человек с оружием и припасами. Приподнятый нос УШКУЯ был вырезан в виде медвежьей морды, откуда и пошло название ладьи – ОШКУЙ или ОСКУЙ – белый медведь. По этим ладьям новгородцев, ходивших в грабительские пиратские походы, называли УШКУЙНИКАМИ.**

Ушкуйники были новгородскими отрядами «лихих людей», голытьбы, неимущих, разбойников, и просто молодых сильных воинов, – «охочих людишек», формировавшимися богатыми новгородскими боярами для захватов земель на Севере, а позднее – и для торгово-разбойничьих экспедиций «на Низ» – по рекам Волге, Каме и Вятке. Кроме того, в самом Новгороде, ушкуйники часто использовались боярами и посадниками для борьбы с политическими противниками, и во время частых побоищ и поножовщины, которыми, как правило, всегда заканчивалось новгородское вече (народное собрание). Их вожаками были «ватажные старосты» или походные воеводы, избираемые самими ушкуйниками. Память о буйном нраве ушкуйников сохранилась в новгородской былине о Василии Буслаеве, ушкуйнике, разбойнике, драчуне и озорнике.

Ушкуйники часто оставались на захваченных землях, основывая новгородские колонии. Одной из таких новгородских колоний была самостоятельная Вятская земля, настоящая пиратская база ушкуйников. Около 1114 года ладожский посадник, новгородец Павел доносил в Новгород: **«Еще мужи вятские ходили за Югру и за Самоядь за мягкой рухлядью».** Сборщики дани и новгородские ратники часто погибали в вооруженных стычках с туземцами, но в целом, Новгород прочно захватил в свои руки посредничество в меховой торговле с Западной Европой. Особенно участились походы ушкуйников в XIII веке. В 1193 г. «**идоша из Новагорода в Югру ратью на ошкуях с воеводой Ядреником; и приидоша в Югру и взяша горд, и приидоша к другому горду, и затворишася югра в горде, и стояша под городом 5 недель; и посылаху из города к ним с льстивой речью, ркуще тако: яко «сбираем сребро, и соболе, и**

иная узорочиа, а вы не губите нас, своих смердов и своей дани»....но обманули ...и изъбиени быша Печерскыи и Югорьскыи даньници».

С установлением на Руси татаро-монгольского ига, ушкуйники продолжали свои походы не только на Югру, но и на татарские земли в низовьях Волги, а по дороге – не жалели никого: ни булгар, ни русских, серьезно мешая торговле и нанося ущерб русским городам. В 1360 ушкуйники захватили город Жукотин на реке Каме. В 1366 году, сообщает летопись: «**Приидоша Волгою из Новагорода из Великого двесте ушкуев с разбойники с Новогородскими, а воеводы Есип Варфоломеевич Василей Федоровичь, Олександр Аввакумыч, и избиша по Волзе множество Татар и Бесермен и Армен и Новгород Нижний пограбиша множество гостей сущих Татарьских, тако же и Новогородцких, и жены и дети их избиша, и товар их бесчисленно пограбиша, и суды их вся иссекоша, и паузки, и струги и всё огню придаша...»** Видимо, добыча новгородских пиратов была так велика, а слухи о ней так широко разнеслись, что в погоне за легкой добычей на Волгу и Каму двинулись новые пираты. В 1369 году новгородская летопись отмечает: «**В лето 6877...тое же осени шло Волгою 60 оушкуев, а инии шли Камою и биша их под Болгары.»** В следующем 1370 году, та же летопись вновь сообщает: **«Двожды шли Новгородци Волгою и много зла сътвориша».**

В 1371 году ушкуйные пираты совершили грабительские набеги на Кострому, Ярославль и другие города на Верхней Волге. Булгары, не имея сил отбиться от пиратов, попытались от них откупиться. В 1374 году «**Идоша на низ Вяткою ушкунцы разбойцы, 90 ушкуев, и пограбиша Вятку и шедше взяша Болгары, хотеша и город зажещи, и даша им окупа 300 рублёв, и оттуда разделишася на двое: 50 ушкуев поидоша и на низ по Волзе к Сараю, а 40 ушкуев поидоша вверх по Волзе, и дошедше Обухова пограбиша все Засурие и Маръкваш и перешед за Волгу суда все изсекоша, а сами поидоша к Вятке на конех и много сёл по Ветлузе идуще пограбиша».**

Не будем забывать, что в эти годы резко усилилось Московское княжество, а его князь Дмитрий IV Донской (1352-1389) уже в 1376 г. утвердил своё влияние в ВолжскоКамской Булгарии, посадив в Казани своих сборщиков податей и таможенников. Тем не менее, воспользовавшись тем, что Москва готовилась к решительному сражению с татарами (Куликовская битва произошла в 1380 году), ушкуйники разбили войско костромичей и разграбили Кострому, а затем Нижний Новгород. Затем они дошли до Астрахани, и здесь были разгромлены татарами, которые содрали живьём кожу с пленных. В 1379 году «**Новгородцы и Устюжане и прочие к тому съвкупишася, и идоша в ушкуях и в насадах и рекою Вяткою на низ и взяша Жукотин и Казань и паки въидоша на Волгу и пограбиша гостей всех, и так возвратишася во свояси со многою корыстью и богачеством».** После разгрома Мамая и оправившись от набега Тохтамыша (1382), московский князь Дмитрий Донской в 1385 году пошел в поход на

Великий Новгород, чтобы наказать его за разбои новгородских ушкуйников на Волге. Новгородцы с трудом уговорили великого князя не воевать с ними и уплатили по договору 8000 рублей (очень большую сумму по тем временам) за нанесённый разбойниками ущерб. С этого времени ушкуйное пиратство уменьшается, и в конце XV века кончается.

В 1471 году, получив от Великого Князя Московского Иоанна III тайную информацию о том, что татарские войска хана Ахмата пошли на Русь, вятские ушкуйники во главе с воеводой Вятской земли Константином Юрьевым «пошли суды Волгою на низ» и неожиданным нападением захватили столицу Большой Орды – город Сарай. Быстро спустившись по Вятке, Каме и Волге в Ахтубу, ушкуйники внезапно появились в Сарае, именно тогда, когда большинство мужчин отсутствовало. Перебив оставленную малочисленную охрану, пираты **«взяша Сараи, много товара взяша, и плен мног поимаша сарайских княгинь и чад малых».** После этого они быстро поплыли вверх по Волге с огромной добычей и пленными. В пути они сначала прорвали татарскую плотину из разных лодок, а затем, в устье Камы, еще раз отбились от татарских стрел, хотя и понесли значительный урон. Воевода Юрьев через некоторое время «утекл от вятичей и к великому князю побёг в Москву, а они побегоша к Вятке». Юрьев получил поместья в Звенигородском уезде под Москвой от Иоанна III, видимо, в награду за удачный набег.

Каперы, приватиры и корсары в России

Шло время, Московия росла и укреплялась, Великое княжество Московское стало в 1547 году царством, а Иоанн IV Васильевич Грозный – царем «Всеа Руси». Но новому царству было не легко. Весь Юг и Восток страны занимали Крымское, Казанское и Астраханское ханства, за спиной которых стояла сильная Османская (Турецкая) империя во главе с султаном, а на Западе выход на Балтику блокировал Ливонский орден. Грозный начал с захвата и ликвидации Казанского(1552), а затем и Астраханского (1556) ханств, но не смог справиться с Крымским ханством, ханы которого продолжали нападать на южные земли России (о пиратских и других делах на Юге мы расскажем далее). После 1560 года Грозный повернул на Запад, и началась двадцатилетняя Ливонская война, в результате которой был уничтожен Ливонский Орден, а Россия потеснила, захватив крепость Нарву в 1558 году, – Швецию, Данию и Польшу на восточных берегах Балтики. Воюя с Москвой, эти страны сделали всё, чтобы не допустить появления русского флота, и не дать Москве торговать с западными странами напрямую, без посредников. На Балтике появились шведские и польские каперы, отлавливавшие торговые корабли голландцев, англичан и датчан, идущие в Нарву, и уводившие их в свои порты.

К тому времени уже была открыта Америка, осуществлены кругосветные путешествия, испанцы и португальцы захватили почти полмира, а

англичане и голландцы открыли вместе с французами пиратскую и каперскую войну против них. **Каперство стало узаконенной и организованной формой морского разбоя. Каперские свидетельства выдавались королями, вице-королями, губернаторами колоний – капитанам судов этих стран, и владельцы каперских грамот имели право: захватывать неприятельские суда (а войны между европейскими державами шли беспрестанно), другие, и суда без флага, контрабандистов; затем уводить их в свои порты, и потом продавать судно и груз с аукциона (при этом капитан капера и экипаж имели право на треть суммы).**

Термин приватирство означал то же, что и каперство, но применялся преимущественно в англоязычных странах. Те, кто занимался каперством в странах Средиземноморья – назывались корсары. Здесь пролегала тонкая грань между каперством и пиратством. Так, например, свирепые алжирские корсары были для европейцев пиратами, да ещё и проводящими турецкую политику против христианских стран. Кроме того, с легкой руки отдельных писателей, термин корсары стал применяться и к тем, кто плавал в Атлантическом и Тихом океанах.

Царь Иоанн Грозный не собирался уступать никому своё присутствие на Балтийском море и начал готовить в Нарве строительство морских судов. Для этого из Холмогор и Вологды были вызваны в Нарву корабельные мастера и мореходы. Их послали за границу – **«для присмотра, как на западе пушки льют да корабли строят».** А 30 марта 1570 года некий **Карстен Роде получил от царя каперскую охранную грамоту, со званием – *«царского морского отомана».*** Царь представил Роде широкие полномочия. Ему было предписано действовать против короля Польши, **«его подданных и помошников, пособники и други и всех тех, которые к нему в его городе и земле какой товар и живот запасу или что ни буди привезет и отвезет морем и сухим путем на его пристанище, море, и реки, и земли или где их мочно залести... Силой врагов взять... и их корабли и людей мечом сыскать, зацеплять и истреблять».** По условиям договора, Иоанну Васильевичу поступал каждый третий корабль, из тех, которые Роде захватит, лучшая пушка с каждого взятого судна, и **«десятая деньга»**, т.е. одна десятая часть стоимости захваченного груза. Царь обязывался выкупить своего капера, если он попадет в плен. Роде получил от царя также право вербовать на каперскую службу и даже выдавать каперские грамоты, а царские воеводы и наместники обязаны были помогать ему всем необходимым.

Кто же такой Карстен Роде? Сведений о нём сохранилось очень мало. Он родился в Дитмарксене, на западе, в Голштинии, но был, видимо, датчанином, т.к. торговал с Любеком и служил датскому королю Фредерику II. Кроме того, он был опытным моряком и осторожным человеком, и немедленно начал действовать. Он направился в порт Аренсбург на острове Эзель, где быстро снарядил одно судно и нанял тридцать пять «немецких

людей». Корабль он вооружил 3-мя литыми пушками, 10-тью небольшими орудиями, кирками для пролома бортов, и вышел в море, где захватил у острова Борнгольм судно с селедкой и солью, плывшее из Эмдена, а затем ещё несколько кораблей. С этой флотилией «московитский адмирал» пошел к Данцигу и захватил четыре судна с зерном. Началась прямая торговля Московии с Западом через русский порт Нарву.

Власти Швеции и Польши переполошились. Вот что писал в своем письме властям Данцига польский король Сигизмунд II Август (1548-1572): **«Легко понять, как усиливается Московит, враг Польши и всего христианства, пока его поддерживают европейские торговцы: он с каждым днём становится опаснее».** Шведские и польские каперы бросились на поиски «московитского отомана». Сначала они захватили у острова Борнгольм один из кораблей Родепинк «Заяц» (пинк - это 2 или 3-х мачтовое торговое судно) с пленными шведами. Ночью пленники освободились, заперли команду в трюме, и приплыли в Померанию, где сдали судно польским властям. Сохранились фамилии членов экипажа первого русского каперского судна: капитан Клаус Тоде из Любека, его помощник Генрих Шульце из Гамбурга, шкипер – Ганс Гаусман из Дитмаркена, штурман Питер Хазе из Травемюнде, остальные – Гейнриксен и Бартельшен с Борнгольма.

Долго не удавалось взять в плен самого Роде. Дважды, получив ннформацию об экспедициях, снаряжаемых для его поимки, он успевал уходить в датские воды, но всё же шведские каперы захватили его корабли на острове Борнгольм, хотя сам Роде вновь ускользнул в Копенгаген. Но его отряд был вытеснен с Балтики, а в это время и Дания заключила мир со Швецией. Роде стал каперствовать в датских водах. Это привело к тому, что по приказу датского короля Фредерика II (1559-1572) в конце 1570 года Роде арестовали и заключили в крепость Галь, причем комендант крепости получил приказ строго следить за ним. Суда Роде были конфискованы, их экипажи выданы шведам, а к Иоанну Грозному отправили гонца с известием об аресте Роде. Царь получил это известие в 1571 году, но выкупать из плена своего капера отказался. Дальнейшая судьба первого «московского адмирала» неизвестна.

В 1581 году Швеция захватила Нарву, а после проигранной русскими Ливонской войны и наступившего затем Смутного времени (когда России было не до морских дел на Балтике), – заняла в 1611 году русское балтийское побережье (Ингерманландию) с берегами реки Невы и окончательно лишила Россию выхода к Балтийскому морю. Через 10 лет Швеция захватила Ригу, и замкнула, таким образом, прибалтийский барьер вокруг России, которой удалось его разрушить только в 1721 году.

Шведский король Густав II Адольф (1611-1632) писал: **«Русские – опасные соседи. Но теперь этот враг без нашего позволения не может ни одно судно спустить в Балтийское море, в большие озера Ладожское и Псковское. Нарвская область, ... болота... и сильные кре-**

пости отделяют нас от него: у России отнято море, и теперь русским будет трудно перепрыгнуть этот ручеек». С планами выйти в Балтийское море, и создать там флот, России пришлось подождать сто лет. Почему же Иоанн Грозный не выкупил своего капера? Попробуем разобраться.

Версия первая: он не хотел ссориться с Данией, и своим отказом дал понять, что Роде ему уже не нужен.

Версия вторая: весть о его пленении он получил в августе 1571 года. А весной 1571 года Крымский хан Девлет-Гирей (правивший ханством с 1551по 1577 гг.) с 120 тысячным войском совершил опустошительный набег на русские города, в мае сжёг Москву и увёл массу пленных в Крым, а царь обязался платить ему ежегодный «тыш» (дань). Вину за поражение царь свалил на бояр, и к только что обвиненным в «новгородской измене», и казненным ближним опричникам Басманову, Вяземскому, казначею Фуникову, дьяку Висковатому и другим опальным боярам, – прибавились князья-воеводы М. Воротынский, Р. Одоевский и М. Поплевин-Морозов. По свидетельству современников, царь всё это время находился в состоянии ярости, непрерывно жаловался на боярские измены, «воровство казны» и плакался, что «обнищал зело». Кроме того, не доверяя своим окружающим, он часто вспоминал измены: князя Курбского в 1564 году, и литовского князя Вишневецкого в 1561 году, которые оба перешли к полякам, а также ряда иностранных наемников.

Дмитрий Иванович Вишневецкий, литовский магнат, гедиминович по происхождению, православный польский князь, авантюрист, талантливый военоначальник и искатель приключений, – владел огромными земельными поместьями в Литве. В 1561 году он был назначен польским королём Сигизмундом-Августом – черкасским и каневским старостой и окружил себя преданными лично ему казаками. Через три года, в 1564 году, Вишневецкий, не дождавшись от короля новых пожалований, ушел на службу к турецкому султану Сулейману I Великолепному (1520-1566), о чём король писал князю Радзивиллу: «**А съехал он со всей своею дружиною, то есть, со всем тем козатцтвом или хлопством, которое возле него проявлялось».** Через два года, после смерти Сулеймана и прихода нового султана Селима II Кровавого (1566-1574), человека очень жестокого и запойно пьющего, польский король вновь призвал Вишневецкого обратно в Польшу, резонно боясь, что князь станет её опасным врагом, если останется полководцем у турок, и вернул ему в управление и Черкассы и Канев. Вишневецкий попытался заинтересовать короля грандиозным планом постройки на острове Малая Хортица на Днепре крупного замка-крепости, закрывающего татарам возможность набегов на Польшу, – но понимания у него не нашел. Тогда он вновь покинул королевскую службу, и сам, на свои средства выстроил на острове укрепление – прототип будущей Запорожской Сечи. Уже в том же 1556 году он двинулся вниз по Днепру, и напал на крымскую крепость Ислам-Кермен, на левом берегу в устье Днепра, и «повоевал её».

В 1557 году Вишневецкий «бил челом Иоанну Васильевичу Грозному, с просьбой взять его в Москву на службу, и при согласии царя заверял, что придёт к нему после того, как еще раз сходит на татар». Царь, который ненавидел Девлет-Гирея за его протурецкую позицию и очень боялся турецкого и татарского вторжения по Волге, согласился. Вишневецкий немедленно напал на Ислам-Кермен, взял его штурмом, убив многих татар и турок, снял со стен все пушки и увёз их к себе на Хортицу. Затем он уехал в Москву, где Иоанн принял его, одарил жалованием, и пожаловал в вотчину город Белёв с волостями, селами и деревнями. В 1559 г. царь отправил Вишневецкого с Адашевым снова против татар, дав им около 10 тыс. человек войска. Сначала они разорили Азов, затем уничтожили отряд турок в 250 человек, а затем, в устье Днепра захватили два турецких корабля, на которых жгли и грабили западный берег Крыма. В 1561 году Вишневецкий вновь громил татарские кочевья в Поднестровье, за что султан Селим объявил награду за его голову. Грозный был очень доволен деятельностью князя, но...в 1561 году, после начала Ливонской войны, тот изменил царю и снова бежал к польскому королю. Сигизмунд-Август простил князю измену, но на всякий случай написал Грозному письмо, где спрашивал о причине отъезда князя от русского государя. Иоанн Васильевич, обиженный князем, ответил королю так: **«А пришел он как собака и утёк как собака: а мне, государю, и земле моей убытку никакого не причинил».** Больше Вишневецкий на Руси не был.

В 1564 году Вишневецкий решил захватить Молдавию, вассала Турции и стать там самостоятельным господарем. Интригу против князя провёл молдавский боярин Томжа, который хитростью заманил Вишневецкого в столицу Молдавии Сучаву и захватил его в плен; его воины перебили поляков и казаков, а закованного в цепи Вишневецкого – Томжа отправил в подарок султану Селиму, в Стамбул, за что султан сделал его господарем Стефаном VI. Вишневецкого султан приказал сбросить с высокой стамбульской башни на железные крюки, вделанные ниже. Князь повис на крюке, который вошел ему под ребро, и стал поносить по-турецки самого султана и его веру, не стесняясь в выражениях, пока рассвирепевшие турки не застрелили его из ружей. По этой версии, Иоанн Васильевич Грозный, не верил наемникам, и всегда подозревал их в измене.

Версия третья. Царь мог знать, что Роде располагал также каперской грамотой, вы данной в 1570 году ему владетелем острова Эзеля и Курляндии, герцогом Магнусом, братом короля Дании, что противоречило принятым правилам каперства, т.к. владельцы каперских грамот или свидетельств, не имели права на владение более чем одним свидетельством. В противном случае, они считались пиратами и подлежали смертной казни. По нашему мнению, скорее всего, зная об этом, царь и предпочел отречься от Роде, т. к. получалось, что он нанял на службу пирата.

Запорожские, донские и волжские казаки.

В начале XIII века Киевская Русь и Галицко-Волынское княжество были разгромлены и разграблены, а все крупные города сожжены татаро-монголами Батухана. Жители были перебиты, а уцелевшие уведены в рабство, или бежали на Север. В XIV веке край стал снова медленно заселяться, и Литва, Польша и Венгрия захватили мелкие княжества, оставшиеся после распавшегося Киевского: Чернигово-Северское, Киевщину, Подолию и Галицию, Волынь и Закарпатье. Литовские и польские феодалы построили мощные замки и линии укреплений с селами, приписанными во владение польским магнатам и князьям. Несмотря на это, в 1482 году крымский хан Менгли-Гирей снова подверг эти земли беспощадному набегу, и они вновь запустели, восстановившись только в начале XVI века.

В это же время в низовьях Днепра, за его порогами, и в верховьях Дона появились люди, которых стали называть **казаками. Это были вольные поселенцы, потомки русских, украинских и польских беглых крестьян, дезертиры, мелкие шляхтичи, изгои, «гулящие и лихие люди», грабители, и бежавшие от власти холопы. Казаки селились в станицах, часто без семей, как правило, или на речных островах, либо на гористых берегах; промышляли дичь и ловили рыбу. Легкие речные суда (струги) заменяли им лошадей, и на них они были неуловимы для татарских подвижных отрядов.**

Первые документальные данные о Донских казаках относятся к концу сороковых годов XVI века, когда казачьи станицы распространились на реки Северский Донец, Хопер, Медведицу и пр. В 1538 году московские власти во время переговоров с Ногайской Ордой, отметили, что **«на Дикое поле ходят казаки многие: казанцы, азовцы, крымцы и иные баловни казаки, а и с наших украин казаки, с ними смешавшись, ходят».** Московское правительство стало снабжать казаков хлебом, а тем, которых царь поднял на войну с Крымским ханством и турками, – стало платить государево жалование: свинец, селитру, сукна и деньги. Казаки скоро расслоились на домовитых, живших в «низу» и голутвиных, живших в «верху»., или бедноту. Немного ранее, около 1304 года, впервые появились сведения о вольных казаках в области за днепровскими порогами, куда начали бежать от польско-литовских бояр и князей их холопы, что положило начало украинскому казачеству, или **запорожцам. Первой Запорожской Сечью, т. е. собранием казацкой вольницы стал остров Хортица.** До середины XV века запорожцы номинально подчинялись литовско-польским князьям. В XVI веке область расселения украинских казаков уже занимала Киевскую обл. и Подолию, а запорожцы стали составлять регулярное казачье войско в составе польского коронного войска.

Первым их атаманом (гетманом) стал Предслав Ляндскоронский, один из лучших полководцев своего времени, который в 1512 году командовал

вместе со своим тестем, князем Острожским объединенным польско-запорожским отрядом, осуществившим успешную погоню за крымскими татарами, грабившими южные районы Великого княжества Литовского, и отнявшим у крымцев награбленное. В 1516 году запорожцы под его командованием ходили в первый водный поход под турецкую крепость Ак-Керман (соврем. Белгород-Днестровский), захватили много скота и разного добра, – на обратном пути были настигнуты турками и татарами, но разбили их под Очаковым, и вернулись домой с богатой добычей. В 1526 и 1528 гг. Ляндскоронский со своими запорожцами ограбил западные и, частично, южные берега Крыма.

В это же время (после 1520 года) гетманом стал Евстафий Дашкович (укр. Остап Дашкевич), литовский воевода, уроженец города Овруч, который сначала был на службе Московских Великих князей и помогал им в войне против поляков, но затем ушел на службу к польскому королю Сигизмунду I Старому (1506-1548), от которого запорожцы получили Черкассы, Канев, Переволочну и крепость Чигирин, старостами которого были и Дашкович и уже упомянутый нами выше князь Дмитрий Вишневецкий. Запорожцам была поставлена задача: оберегать от татар и турок южные границы Польши. Но, в связи с тем, что резко увеличился приток холопов, беглых крестьян и посадских людей, как на Днепр, так и на Дон, особенно в 70-е годы XVI века, – речные промыслы уже не могли их прокормить, а пашня в станицах отсутствовала из за нападений татар, – **вновь прибывшие стали собираться в ватаги и заниматься разбоем. Они нападали на татарские кочевья и начали предпринимать морские набеги на побережье Крыма и Османской империи, а также грабить морские караваны, т.е. заниматься пиратством. Их стали называть «воровскими казаками».**

Среди воровских казаков не считалось зазорным объединяться во время военных походов и набегов с бывшими врагами, конечно, во имя общей цели – захвата добычи и пленных. Так, в 1521 году, Дашкович с запорожцами и воровскими казаками участвовал в набеге крымского хана Мухаммед-Гирея на Москву, и на обратном пути даже пытался овладеть Рязанью. Позже, он же несколько раз нападал на русские приграничные города, уводя пленных на продажу в рабство туркам (он умер в 1535г.).

Один из первых атаманов донского казачества, – Михаил Черкашенин, в 1556 году впервые со своими донцами совершил морской поход против Крымского ханства. Атаман спустился по реке Миус, пересек Азовское море и опустошил окрестности Керчи: **«Миюсом рекою в море, а морем под Керець, и тут повоевал и отшел здорово».** Этим походом донские казаки впервые заявили о себе как о серьезной военной силе. Пиратской, добавим мы. Чуть позже, в 1559 году, Черкашенин со своим отрядом официально перешел на службу к московскому царю, тем более, что к этому времени были завоеваны Казанское и Астраханское ханства. В этом же году он со своими казаками разгромил крымских татар в верховьях Север-

ского Донца и прислал часть пленных в Москву. Здесь надо особо отметить, что военные успехи казаков **почти всегда сопровождались грабежом.** Польский король Сигизмунд Старый, который активно использовал запорожцев против турок и крымских татар, желая укрепить южные границы своего государства, начал мощно, но тайно, поддерживать запорожцев в их морских набегах на турецкие земли. «Воровские казаки», запорожцы, донские казаки, а с 70-х годов XVI века и волжские казачьи отряды стали нападать на Кафу(Феодосию), Трабзон, Синоп, Газлеви (Евпаторию) и другие города и колонии турок на побережьи Черного и Азовского морей. Запорожцы и донские казаки опустошали также персидские города на побережьи Каспийского моря. Казаки превратились в серьезную военную силу, не предсказуемую и не подвластную никому.

После Ливонской войны, смерти Иоанна Грозного и Смутного времени, в событиях которого «воровские казаки» сыграли значительную роль, особенно в трагических эпизодах Самозванщины, воюя в основном на стороне польских захватчиков, – властям стала ясна тактика казаков. Вот что писал о ней французский очевидец этих событий: **«Почти ежегодно они предпринимают опустошительные набеги по Черному морю на турецкие владения. Обыкновенно они берут в плен детей и подростков, которых или оставляют у себя в услужении или продают, но взрослых редко берут в плен, за исключением людей богатых, от которых надеются получить большой выкуп. Свои набеги они всегда предпринимают отрядами от шести до десяти тысяч человек, не более, чудесным образом переправляются через море в плохих судах собственного изделия.... Люди они очень непостоянные, беспокойные от природы и охотники до разбоя; великому русскому государю они подчиняются не по принуждению, а по своей воле, причем им дарованы большие льготы».** То же самое можно сказать и про польские власти.

Так польский король Стефан Баторий (1576-1586) даровал казакам полное войсковое устройство, а их кошевому атаману – звание и должность гетмана, с клейнодами: булавой, хоругвью, бунчуком и знаменами; отдал запорожцам город Терехтемиров и позволил селиться их семьям до самого Киева. Иоанн Грозный призвал донских казаков на Ливонскую войну, а позже, пожаловал «воровского казака» Ермака Тимофеевича за завоевание Сибирского татарского ханства «шубой с царского плеча» и простил ему все «вины», а донскому атаману Михаилу Черкашенину и некоторым его казакам подарил поместья в Рыльском уезде.

Запорожцы в 1602 году сожгли Измаил, гетман Петр Сагайдачный захватил и сжёг в 1606 году Кафу, в 1614 году его запорожцы разгромили Синоп, а в 1617 году сожгли турецкий флот и прорвались к Стамбулу, вызвав «превеликое смятение и страх» в городе. «Воровские казаки» атамана Треньки Уса в 1621 году разграбили города и селения по берегам Каспийского моря. В 1623 году состоялся кровавый пиратский совместный поход запорожских и донских казаков по всему Анатолийскому турецкому

побережью Черного моря. Практически, с 1625 по 1670 гг. почти каждый год казаки пиратствовали на турецких, крымских землях и волжских берегах, а также на Каспии. Чего стоит только один поход донского атамана Стеньки Разина на южные берега Каспия (т.н. персидский поход) в 1667-1669гг. и осада запорожским атаманом Иваном Сирко турецкой крепости Очаков, с целью «**Днепр очистить для проезда на морской путь»** в 1670 году.

К этому времени и Польша и Россия закончили свои войны и заключили мир, а также начали налаживать отношения с Турцией и Крымским ханством. Заключение мирных договоров с Османской империей обязательно требовало усмирения казацкой вольницы на Юге, что стало невозможным в 70-е годы из за продолжения казацких грабежей и неподчинения казаков любым требованиям как царского, так и королевского правительства, тем более что Украина в 1654 году воссоединилась с Россией, и там тоже началась война с Польшей (1658-1667) после казацко-украинского восстания перед этим. Справедливости ради, надо отметить, что турки несколько раз пытались договориться с запорожцами о мире, и в 1649 году даже заключили торговый договор с Войском запорожским, пытаясь этим, хоть таким способом избежать постоянных набегов, предусмотрев в договоре огромные торговые скидки. Но ничего не помогло, а запорожцы продолжали свои пиратские набеги. Наконец, турецкий султан Мехмед IV(1648-1687) решил покончить с Запорожской Сечью, направив туда войско, но….перед этим отправил туда письмо, в котором, назвав себя «необыкновенным рыцарем, никем непобедимым », потребовал **«сдаться мне добровольно и без всякого сопротивления и меня вашими нападениями не заставлять беспокоить».** Получив это письмо, запорожцы отправили султану ответ, момент составления которого запечатлен художником И.Е.Репиным в его знаменитой картине «Запорожцы пишут ответ турецкому султану». Приводим это письмо.

«Запорожские казаки – турецкому султану

Ты – шайтан турецкий, проклятого чорта брат и товарыш и самого Люцыперя секретарь. Який ты в чорта лыцарь? Чорт выкидае, а твоё вийско пожирае. Не будешь ты годен сынив хрестияньских пид собою мати; твого вийска мы не боимось, землею и водою будем бытьця з тобою. Вавилонский ты кухарь, македонский колеснык, ерусалимський броварник, александрийский козолуп, Великого и Малого Египты свынарь, армяньска свыня, татарский сагайдак, каменецкий кат, подолянський злодиюка, самого гаспида внук и всего свиту и подсвиту блазень, а нашего Бога дурень, свыняча морда, кобыляча с…а, ризныцька собака, нехрещенный лоб, хий бы взяв тебе чорт! Оттак тоби козаки видказали, плюгавче! Невгоден еси матери вирных хрестиян. Числа не знаем, бо календаря не маем, мисяц

у неби, год у кнызи, а день такий у нас, як и у вас, поцилуй за те ось куды нас! Кошовой атаман Иван Сирко зо всим коштом запорожським».

Но не от действий турок и татар прекратились набеги «воровских казаков». Сначала вышла «из игры» Польша, заметно ослабевшая и потерявшая свой «гонор» к этому времени. А затем запорожские казаки почувствовали на себе тяжелую руку Москвы. Они принимали участие в крымских походах Василия Голицына в 1687 и 1689 годах, но неудачно, а грабить было нечего и некого, т.к. татары не дали русским себя победить. Атаман Иван Гусак неудачно пытался захватить Очаков в 1695 году, а в Азовских походах Петра I в 1695 и в 1696 годах они хотя и участвовали, но крайне пассивно. Но Петр и русские захватили Азов и владели им до 1711 года, полностью перекрыв Дон от «воровских казаков».

Затем началась Северная война, и с Турцией, после неудачного Прутского похода, России пришлось заключить невыгодный мир. Гетман Мазепа вступил в тайные переговоры со шведским королем Карлом XII, обещав ему помощь казаков в войне против России. Измена гетмана вскрылась, он со шведским королем бежал в Турцию после разгрома под Полтавой, а в 1708-1711 годах Петр I приказал ликвидировать Запорожскую Сечь, и даже изгнал запорожцев, которых он всех считал изменниками, – с реки Каменки. Всякая помощь им была запрещена, а их набеги были запрещены, как «воровские». Виновных гнали в Сибирь, рвали ноздри, наносили на лица клеймо «В.О.Р.» раскаленным железом.

Крым оставался татарским, и только при императрице Анне Иоанновне (1730-1740), вновь ожила Запорожская Сечь в 1734 г. в связи с Русско-турецкими войнами, но это было недолго и не дало ожидаемых от казаков результатов. Окончательно Запорожская Сечь была упразднена императрицей Екатериной II в 1775 году.

Император Пётр I , каперство и пиратство

Конец XVII и начало XVIII века были ознаменовано новыми войнами, в которых приняли участие почти все страны Европы. Если учесть, что к этому времени Испания, Португалия, Франция, Англия и Голландия насмерть схватились в борьбе за колонии в далеких океанах, а Карибское море, Индийский океан, Средиземноморье и Мадагаскар превратились в арену узаконенного грабежа торговых судов и портов каперами, корсарами и пиратами, причем многие из последних часто выступали и в том и в другом качестве, то мировая торговля несла колоссальные убытки. Особенно преуспели в каперстве, а иногда и в откровенном пиратстве Франция: в Средиземноморье и Атлантике, – и Швеция на Балтике и в Северных морях. Короли Людовик XIV и Карл XII раздавали каперские грамоты огромному количеству капитанов, которые грабили всех подряд.

Шведы на Балтике открыли превентивную войну против торговли, без разбора захватывая все торговые суда, особенно английские и голландские. Им помогали французы, противники Англии и Голландии. Молодая русская торговля на Балтике сразу же оказалась под ударом опытных франко-шведских каперов. Так, братья Баженины, получившие от царя Петра право торговать с Англией, стали первыми жертвами французов. Их корабль «Андрей Первозванный» в 1703 году был захвачен и ограблен знаменитым французским корсаром Жаном Баром. В дело вмешался сам русский царь, написавший письмо королю Франции.

«**Петр I – Людовику XIV 4 марта 1705 г.**

Пресветлейший, державнейший и велеможнейший княже, великий государь, наш дражайший брате и совершеннейший друже, Людовику четвертойнадесять, королю Французской и Наварский, и иных и иных и иных. Мним, что вашему королевскому величеству благоизвестно есть, како пред четырьмя лет в Биржах вашего величества посол, господин маркиз де Гирон нам именем вашего величества предлагал о желанной вашего величества с нами, дружбы и любви и доброй пересылки и о свободной торговле междо обоих стран подданными к государственной прибыли. И на то от нас ответствовано, что мы с вашим величеством добрую дружбу и пересылку иметь усердно желаем и торговле свободной быть соизволяем, и ежели торговые французские карабли ходить станут в наши пристанищи, повелим их иметь в своем защищении, и что и своим подданным укажем вашего величества в государствах для купечества ходить... Но ныне уведали мы с удивлением, что наших подданных, имянуемых Бажениных, карабль, имянуемый Святого Андрея, 1703-го под нашим флагом и с пасом от ваших каперов взят и в пристанище ваше приведен и со всеми товарами конфискован... Також и потом, прошлого 1704-го году ноября в 23 день и второй наш карабль от Дуинкерских вашего величества каперов, под Шведскими флагами сущих, взят и в Дуинкеркен приведен и со всеми товары конвискован. И якоже мы никогда не чаем, дабы то наших караблей взятие и конвискование с соизволения и ведома вашего величества чинилось...дружебно БРАТЦКИ просим ... взятыя карабли и с товары, яко нейтральныя и приятелския, немедленно возвратить повелеть и впредь крепкой указ морским своим офицерам и протчим добытчикам дать, дабы под нашими флагами ... повсюду ходящим караблям нигде никакой зацепки и вреду не приключали, ... дабы купечество обоих подданных к ползе множилось..» На просьбу «брата» Петра I французский король Людовик XIV ничего не ответил...

В России поняли, что обеспечить безопасность только что созданного молодого российского флота могут только адекватные меры. И началась эра русского каперства на Балтике и в Северном море. Русские фрегаты под командованием иноземцев на русской службе Бранта и Рейса в 1710 –

1711 году захватили пять шведских судов с солью, патокой и лесом и 11-пушечный шведский капер, о чем немедленно письменно донесли царю. Петр ответил: «**за что вам благодарствую и надеюсь, что всегда вы доброва случая пропускать не будете».** В 1715 году, в одиночку, фрегат «Самсон» под командованием Бредаля, норвежца на русской службе захватил три шведских капера у острова Эзель, за что Петербург салютовал ему пушечной пальбой. Больше того, Россия законодательно провозгласила каперскую войну против Швеции.

«**Указ правительствующего сената о каперах. 22 мая 1716 года.**

1716 году мая в 22 день по указу Великого Государя правительствующий сенат приказали: каперам поручику Лодыженскому, подпоручику Лауренсу Берлогену, которые ныне отправляются на шневах именуемых «Наталия» и «Диана» для каперования в Балтийском море, дать паспорт, в котором написать, что им по данным Его Царского Величества указам каперить неприятельские суда шведского государства, и те их суда, которыя на море могут получить, держать и действовать по определенным пунктам из адмиралтейства».

Из года в год росла военно-морская мощь России. Русские корабли в 1717 году успешно напали на остров Готланд, разорили побережье Швеции в 1719 г., выиграли морское сражение у Гренгама в 1720 году. Успешно шла и каперская война против Швеции. Особенно отличился в этой войне французский капитан на русской службе Франсуа Ги де Вильбоа, захвативший более десяти торговых кораблей, блокировавший Любек и Данциг, и не выпустивший стоявших в них шведских судов , за что впоследствии стал вице-адмиралом русского флота. Уже упомянутый нами капитан Петр Христиан Бредаль стал позже Петром Петровичем, остался на русской службе; во время русско-турецкой войны 1735-1739гг., командовал Донской эскадрой, а в русско-шведскую войну 1741-1743 гг. в чине вице-адмирала русского флота – Беломорской эскадрой. Фельдмаршал граф Бурхард Миних писал императрице Анне Иоанновне при присвоении Бредалю этого чина: «Вельми искустен в сражениях морских, храбр и неприятелю досадил много, а что пустые рассговоры о том, что пиратом, де, был, – то это, владычица, злая ложь есть».

Но царь внимательно следил за поведением иностранцев на флотской службе, и строго спрашивал с них за провинность и халатность. Так, в 1713 году, по делу о потере по их вине корабля «Выборг», капитан-командор Рейс и вице-адмирал Крюйс были приговорены к смертной казни, которую Петр, сжалившись, заменил ссылкой в Сибирь.

Ништадский мир 1721 года показал всей Европе, что новая морская держава твердо стала на ноги, не боится нападений иностранных каперов, полностью ликвидировала гегемонию Швеции на Балтике, и вырастила свои собственные морские кадры. После окончания Северной войны, русское каперство начинает сходить на нет, в связи с ощутимой мощью воен-

ного русского флота. Россия обратила свои взоры на Восток, и командор Беринг дошел до Тихого океана, а русские войска дошли до Манчжурии.

Оставался Юг, и в XVIII веке наступила очередь Крыма и русско-турецких войн, после завершения, которых, возник и окреп Черноморский флот, а русские суда стали плавать в Средиземном море, но это уже иная история.

Пришло время рассказать об одной таинственной русской экспедиции, тесно связанной с пиратством в мировых океанах. Но для этого дадим соответствующие пояснения о состоянии мирового пиратства и его наиболее обширных зонах в начале XVIII века. Закончились долгие войны между Испанией, Францией и Англией за колонии и гегемонию в Атлантике и Вест-Индии; Португалия и Испания разделили между собой Индию и Америку. Европейские державы, и, прежде всего, Англия и Голландия, приняли меры для борьбы против пиратских капитанов, бывших каперов, приватиров и корсаров, которые никак не могли остановиться и прекратить грабеж торговых судов. Военные флотилии этих стран начали патрулировать Карибское море, топить пиратские корабли, а самих пиратов «без лишних слов – венчать с виселицей». Пиратские вожди стали искать другие регионы для морского грабежа, и, прежде всего, освоили остров Мадагаскар.

Мадагаскар, пустынный остров, с безлюдными стоянками-островками Сен-Мари, бухтой Диего-Суарес, островом Нуси-Бе, и другими пиратскими пристанищами представлял собой идеальную базу для пиратов. Мадагаскар контролировал два важнейших торговых пути того времени, – первый из Красного моря и Персидского залива в Индию, и второй, – из Европы, мимо мыса Доброй Надежды, через Мозамбикский пролив в Красное море и в Индию. Основными грузами, которые доставались пиратам, были пряности, шелк, ткани, оружие, драгоценности, рабы, фарфор и пр., то есть все, чем славилась арабоиндийско-европейская торговля. Пираты основали на островке Сен-Мари своё береговое братство, в которое входили знаменитые главари Вест-Индских морских разбойников: Роберт Каллифорд, Томас Уайт, Оливье Ла Бюз, Ховард, Тэйлор, Берджесс и Уильям Кидд. В бухте Диего-Суарес даже возникла пиратская республика Либерталия, приют работорговцев, купцов и контрабандистов всего региона.

После того, как в 1695 году пират Генри Авери захватил один из кораблей индийского флота, император Великий Могол Аурангзеб (1658-1707) потребовал от Англии, Голландии и Франции ежегодного представления купеческим караванам военных кораблей для их конвоя и защиты от пиратов, грозя закрытием торговли и своих портов для европейцев. Наиболее быстро отреагировала Англия: уже в 1699 году к Сен-Мари подошла эскадра коммодора Уоррена, но пираты успели исчезнуть в океане. В 1721 году Мадагаскар навестил коммодор Томас Мэтьюз во главе другой английской эскадры, но пиратов опять не обнаружил. Они рассеялись, а остров был пуст. Однако, англичане не знали, что, уже с 1713 года шведы вели тайные переговоры с пиратскими представителями, прибывшими из Мадагаскара в попытке договориться с одной из европейских держав, не

связанной с восточными странами торговлей, о взятии их под покровительство. В 1718 году пираты пообещали шведскому королю Карлу XII власть над Мадагаскаром в обмен на их защиту. Карл согласился, подписал охранное письмо и начал готовить экспедицию на Мадагаскар, но в этом же году был убит у стен крепости Фридрихсхальд, а экспедиция не состоялась. Большинство пиратских капитанов тайно вернулись в Атлантику.

Настала очередь России. В 1723 году, в великой тайне, в Ревельской гавани стали готовиться к дальнему походу два русских корабля: «Амстердам-Галей» и «Декронделивде» под командой вице-адмирала русского флота датчанина Даниэла Я. Вильстера, бывшего шведского моряка, с большим опытом каперских и приватирских боев в Вест-Индии и на Балтике против французов и шведов. Корабли должны были плыть на Мадагаскар…и даже дальше. Вспомним, что в сентябре 1723 года, Россия подписала русско-персидский мирный договор, по которому она получила прикаспийские земли Дагестана и Ширвана с городами Дербент и Баку, а также области на юге Каспия – Гилян, Мазандеран и Горган, и, таким образом, подошла к дальнейшему проникновению в Азию. Поэтому замысел Петра был направлен, конечно, дальше контактов с пиратами. 5 декабря 1723 года Вильстер был назначен командующим экспедицией, корабли которой были замаскированы под торговые суда и не должны были заходить в чужие гавани. Прибыв на Мадагаскар, Вильстер имел право поднять на кораблях русский флаг и явиться к «пиратскому королю» с грамотой, отрывки из которой мы приводим ниже.

«Грамота королю Мадагаскарскому

9 ноября 1723 г. Божиею милостью мы Петр Первый Император и самодержец всероссийский и проч. и проч. и проч. Высокопочтенному королю и владетелю славного острова Мадагаскарского наше поздравление. Понеже мы заблагоразсудили для некоторых дел отправить к вам нашего вице-адмирала Вилстера с несколькими офицерами, того ради вас просим дабы оных склонно к себе допустить, свободное пребывание дать и в том, что они имянем нашим вам предлагать будут, полную и совершенную веру дать, и с таким ответом склонным ответом их к нам паки отпустить изволили, каковаго мы от вас уповаем и пребываем вашим приятелем».

В переговорах с пиратами Вилстеру было предписано склонить «короля» к приезду в Россию. Далее ему предписывалось плыть в Индию(!) и **«явится там Великомочному Моголу и всякими мерами старайтесь его склонить, чтоб с Россиею позволил производить коммерцию, и иметь с ним договор, которые товары потребны в Россию, также и какие в его областях товары из России надобны суть…».**

Петр I таким образом пытался наладить контакты с Индией, а в случае успеха переговоров, сделать пиратские базы на Мадагаскаре важными стоянками на длинном пути из России в Индию. Естественно, что весь этот план хранился в глубокой тайне. Но, к сожалению, экспедицию ждала не-

удача. Сначала корабли попали в жестокий шторм, и в ужасном состоянии вернулись в Ревель. Здесь во время ремонта один из кораблей перевернулся, и 16 матросов погибли. Начался ремонт и подготовка нового корабля, а из Петербурга требовали выйти в море «возможно наискорее». Наконец, 4 февраля 1724 года генерал-адмирал граф Апраксин отозвал Вилстера в столицу, а **«его императорское величество указал намеренную вашу экспедицию удержать до другого благополучного времени».**

Так закончилась история этой экспедиции, о причинах отмены которой больше ничего не известно. А в начале 1725 года император Петр скончался.

На этом мы считаем возможным закончить исторический этюд о пиратах в России, т.к. в дальнейшем, обладая сильным флотом, Россия не нуждалась в пиратстве на морях, а пиратство на внутренних водных путях власти быстро пресекали, сурово наказывая виновных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архенгольц Ф. История морских разбойников Средиземного моря и Океана. М., 1991.
2. Бейкер Д. История географических открытий и исследований. М., 1950.
3. Богуславский В.В. Славянская энциклопедия. Ч. 1 и 2. М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 2002.
4. Гребельский П.Х. Пираты. СПб., 1992.
5. Заозерский А.И. Экспедиция на Мадагаскар при Петре Великом / Россия и Запад. П., 1923.
6. Константин Багрянородный. Об управлении империей. М.: «Наука», 1991.
7. Копелев Д. Золотая эпоха морского разбоя. М.: «Остожье», 1997.
8. Маховский Я. История морского пиратства. М., 1972.
9. Можейко И.В. Пираты, корсары, рейдеры. М., 1991.
10. Источники для истории запорожских казаков. В 2-х т. Владимир, 1903.
11. Нойкирхен Х. Пираты. Морской разбой на всех морях. М., 1980.
12. Санин Г.А. Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVIII в. М., 1987.
13. Снисаренко А.Б. Рыцари удачи. СПб., 1991.
14. Сычев Н. Книга династий. М.: «Восток-Запад», 2005.
15. Тарле Е.В. Русский флот и внешняя политика Петра I. М., 1949.
16. Тушин Ю.П. Русское мореплавание на Каспийском, Азовском и Черном морях (XVII век). М., 1978.
17. Шершов А.П. История военного кораблестроения с древнейших времен и до наших дней. М.-Л., 1940.
18. Эварницкий Д.И. История запорожских казаков. В 3-х томах. СПб., 1892.
19. Эвлия Челиби. Книга путешествий. Вып. 1, 2. М., 1961-1963.
20. Эксквемелин А.О. Пираты Америки. М., 1968.
21. Полное собрание русских летописей. М., 1950, 1957.
22. Феофан. Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. Перевод В.И.Оболенского и Ф.А.Терновского. М., 1890.
23. Феофилакт Симокатта. История. Перевод С.П.Кондратьева. М., 1957.